

В. Титов

Новый Лесной кодекс: меняющийся порядок?

Официальная нормативная регламентация лесных отношений в России переживает сегодня период значительных трансформаций. Система правовых актов в области лесопользования, установившаяся еще со времен Советского Союза, в самое ближайшее время может уйти в прошлое. Новый Лесной кодекс¹ и последующие вслед за ним новеллы в нормативные акты технического характера претендуют на изменение принципиальных подходов к регулированию отношений в сфере лесопользования. Эти нововведения, на первый взгляд, столь значительны, что можно ожидать изменения самого порядка функционирования отрасли.

Острота дискуссии и категоричный тон высказываний вокруг проекта Лесного кодекса объясняется изначальным противоречием, которое заложено сущностью леса как природного и экономического ресурса. С одной стороны, лес – это экологическая система, несущая на себе огромную нагрузку обеспечения экологической стабильности и требующая, в связи с этим, особого контроля со стороны государства, а с другой – это один из наиболее эффективных экономических ресурсов, возможность развития целой отрасли промышленности, включающей в себя как крупные государственные и частные предприятия, так и предприятия среднего и малого бизнеса. Во многом стремлением к совершенствованию экономических основ лесопользования можно объяснить смелость разработчиков проекта кодекса в изменении, казалось бы, незыблемых основ лесных отношений. Очевидно, что авторы проекта (рабочая группа состояла в основном из сотрудников Министерства экономического развития и торговли) стремились сделать лес выгодным объектом гражданского оборота, придать дополнительный импульс развитию лесной промышленности через устранение целого комплекса «сдерживающих факторов».

¹ В данный момент проект Лесного кодекса принят Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении.

Формирование комплекса новых правовых норм в лесном законодательстве не является а priori логичным развитием системы формальной регламентации данных общественных отношений, а, по сути, отражает волю определенной группы заинтересованных субъектов. Изменения в лесном законодательстве, в связи с этим, необходимо анализировать в контексте присутствующих в них скрытых и явных интересов агентов лесной отрасли, а не как этап эволюции и совершенствования формальных норм в целом.

Кроме того, нельзя не принять во внимание главные законодательные тенденции последнего времени: административную реформу и пересмотр распределения компетенций между Центром и регионами. Фактически еще до принятия нового Лесного кодекса в действующее лесное законодательство были внесены поправки, которые изменяют систему органов управления лесами и значительно сокращают возможности региональных властей влиять на экономическое лесопользование.

При том, что основной комплекс изменений в лесное законодательство сконцентрирован вокруг экономической составляющей леса, фокус общественной дискуссии и основных претензий к проекту Лесного кодекса смещен в сторону критики недостаточного учета природоохранных факторов и несбалансированного разделения полномочий между федеральным, региональным и местным уровнями власти (если не учитывать изначально популистских заявлений о недопустимости любого иностранного присутствия в лесных отношениях). Мнение региональных властей и природоохранных организаций высказывается в форме официальных обращений к разработчикам проекта, комментариев и юридических экспертиз предполагаемых нововведений. Именно региональные власти и природоохранные негосударственные организации являются основными участниками публичного обсуждения проекта Лесного кодекса.

За рамками формальной дискуссии, представленной консолидированным мнением основных участников, оказывается позиция бизнес-сообщества лесной отрасли. Если комментарии крупных промышленных предприятий еще озвучиваются на «круглых столах», конференциях, в публичном пространстве газетных публикаций и пресс-релизов, то отношение к предполагаемым изменениям среднего и малого лесного бизнеса практически неизвестно.

Исследование практик лесопользования на примере Иркутской области, выявление наиболее значимых социальных регуляторов отношений, связанных с лесом, позволяет проанализировать возможность правовых ме-

ханизмов в упорядочивании данных отношений и как следствие – эффективность предлагаемых изменений в лесном законодательстве. Это тем более возможно, учитывая, что изучение неформальной экономики лесопользования Иркутской области основывалось на соотнесении конкретных экономических и правовых (формальных) механизмов с устоявшимися социальными отношениями, складывающимися по поводу оборота леса в конкретных локальных сообществах.

Идея фактической неэффективности законодательного реформирования общественных отношений, не учитывающего реальные практики упорядочивания данных отношений, не нова. Так, В.В. Бочаров в своем исследовании правовой категории «собственность» в реалиях современного российского общества отмечает, что в качестве средств упорядочивающих общественные отношения, зачастую выступает не закон, «а так называемое обычное право, которое, воплощая в себе идею справедливости, не сводится к официальным юридическим актам, а носит неформальный характер»².

Причину распространенности неформальных практик в поле общественных отношений, которые должны быть урегулированы нормами права, Бочаров видит в особенностях правовой культуры России: «Речь должна идти не о низкой, а просто о другой правовой культуре, базирующейся как на иных социально-экономических реалиях, так и на других принципах мыслительности, отражающих данные реалии»³. Не вдаваясь в терминологическую дискуссию о точности и применимости терминов, использованных в приведенной цитате, можно согласиться с общим тезисом: формальные правила игнорируются не умышленно, а скорее, в силу того, что участники тех или иных отношений руководствуются нормами, органично вписанными в систему социальных взаимодействий соответствующего локального сообщества. В этой системе нормативного пространства право только тогда может восприниматься в качестве значимого регулятора отношений, когда оно «обладает социальным признанием и встречает (пусть молчаливо

² Бочаров В.В. Обычное право собственности и «криминальное государство» в России (опыт юридико-антропологического анализа) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. №4. С. 175.

³ Там же. С. 176.

и частичное) согласие благодаря хотя бы видимости своего соответствия действительным нуждам и интересам»⁴.

Именно из этой перспективы, мне кажется, интересно проанализировать возможную эффективность предлагаемых изменений в лесное законодательство, учитывая явно экономические приоритеты построения концепции нового Лесного кодекса. Меня, прежде всего, интересует, насколько изменения внутри правового поля способны изменять социальный порядок в сфере оборота леса.

Весь комплекс нововведений, предусмотренных проектом Лесного кодекса, можно разделить на две группы: изменения первого уровня и изменения второго уровня. К первой группе относятся новеллы, которые претендуют на концептуальную трансформацию сложившегося порядка отношений в лесной отрасли – введение института частной собственности на лесные участки, исключительно аукционная форма передачи лесных участков в аренду, новая система органов управления лесами и т.д. Изменения второго уровня – это нормы, которые несущественно корректируют действующие до того правила, но, в некоторой степени, могут повлиять на устоявшуюся практику взаимоотношений в отрасли.

Изменения первого уровня

Наибольшая острота общественной полемики по поводу проекта Лесного кодекса была сосредоточена вокруг предполагаемого введения института частной собственности на лесные участки. Одни высказывались в том смысле, что частная собственность на лесные участки является необходимым условием развития цивилизованных рыночных отношений в лесной отрасли, другие считают, что лес – это объект, который в силу своего стратегического назначения ни при каких условиях не должен приватизироваться.

Под воздействием общественного мнения позиция разработчиков кодекса немного изменилась. От начальных формулировок о возможности перехода в частную собственность любого участка, на котором лесопользователь надлежащим образом выполнял условия аренды, осталось только указание на то, что порядок передачи лесных участков в частную собствен-

⁴ Пьер Бурдьё. Власть права: основы социологии юридического поля//Социальное пространство: поля и практики. СПб. 2005. С. 107.

ность будет определен в дополнительном законе об обороте земель лесного фонда. Таким образом, реальная приватизация лесных участков отложена на неопределенное время.

Желание разработчиков проекта Лесного кодекса как можно быстрее начать процесс перехода лесных участков в частную собственность можно объяснить стремлением либерализовать лесные отношения, ввести дополнительный ресурс, который можно использовать для развития производства (например, в случае оформления кредита). Кроме того, предполагается, что собственник заинтересован в последовательном лесопользовании, которое предполагает длительное использование лесного участка с соблюдением всех правил лесовосстановления и лесозащиты, возможность строительства на территории лесного участка капитальных сооружений.

Однако данная концепция собственности на лесные участки находится в явном противоречии с укорененными обычно-правовыми представлениями о принадлежности леса. Так, Бочаров в своей работе приводит мнение дореволюционного исследователя обычного права В.Н. Тенишева, который писал, что «похищенные крестьянами бревна и дрова из казенных и помещичьих дач не считали предосудительным покупать лица духовного звания»⁵. Данные исследования неформальной экономики лесопользования Иркутской области позволяют утверждать, что в современных локальных сообществах, связанных с лесом, преобладает именно обычно-правовое представление о собственности на лесные участки. Представление о лесе, как о всеобщем достоянии, о коллективной собственности тех, кто живет рядом с лесом, трансформируется в комплекс притязаний социальной заботы к тем, кто этим «общим» лесом пользуется.

Явление «заботы», актуализированное кроме всего прочего еще и формальным советским дискурсом⁶, как некая расплата за пользование «общим» лесом, становится востребованным, с точки зрения легитимности предпринимателя в глазах местного сообщества. С другой стороны, имеет место процесс, который О.А. Захарова достаточно точно описала как «восприятие «чужой» активности в лесу как незаконной». И далее: «наличие

⁵ Бочаров В.В. Обычное право собственности и «криминальное государство» в России (опыт юридико-антропологического анализа). С. 195.

⁶ Богданова Елена. Советская традиция правовой защиты, или в ожидании заботы // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. №1. С. 76-83.

официального государственного разрешения не имеет особого значения – главное, что «наш» лес берут «чужие»⁷.

Схожие тенденции отношения к собственности, определяемые обычно-правовыми представлениями населения, Бочаров и Рябкин описывают в связи с реформированием земельного законодательства. В своей работе они приводят пример того, как крестьяне обратились к представителю законодательной власти с просьбой восстановить справедливость и вернуть им землю, утраченную «вследствие нерасчетливой сделки»⁸.

Учитывая данные особенности отношения к собственности, сложно представить, в какой степени возможно существование полноценного автономного собственника лесного участка в рамках локальных сообществ, живущих в пределах территорий активного лесопользования.

Еще одним важнейшим изменением старого порядка лесных отношений является положение, согласно которому передача лесных участков в аренду будет производиться ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО на основании результатов аукциона. В действующей редакции Лесного кодекса предусмотрена еще одна форма – лесной конкурс, которая от аукциона отличается тем, что на конкурсе победитель определяется не только по размеру предложенной суммы, но еще и с учетом представленного плана освоения лесного участка.

Разработчики проекта полностью отказались от старой схемы предоставления лесных участков в аренду, где решающее значение имела рекомендация лесхозов и решение соответствующих органов местной и региональной власти. Видимо, сделано это в целях пресечения коррупционных практик, которые повсеместно присутствовали в процессе распределения лесных участков. Однако введение аукционной системы, где единственное значение имеет размер предложенной суммы, может вытеснить из лесного бизнеса малые и средние предприятия, которые нередко становятся единственным источником жизнедеятельности лесных поселков. При предложенной системе крупные предприятия (не исключено, что и иностранные), обладающие большими ресурсами, будут иметь явное преимущество на аукционах. Становится очевидным, что разработчики

⁷ Захарова О.А. Об отношении населения к вопросам права и законности в лесном секторе // Лесной бюллетень.2005.№2. С. 18.

⁸ Бочаров В.В., Рябкин А.И. Обычное право в российском политическом дискурсе в периоды реформирования отношений собственности на землю // Журнал социологии и социальной антропологии.2005.№1.С. 159.

законопроекта готовы поставить в сложные условия частные малые и средние лесные предприятия для решения проблемы коррупции в лесной отрасли.

Ситуация усугубляется тем, что в текст проекта не вошла даже расплывчатая формулировка статьи 34 действующего Лесного кодекса, согласно которой участки лесного фонда предоставляются в аренду «с учетом интересов населения, проживающего на соответствующей территории». Причем эта формулировка совсем недавно изменила более конкретное требование Лесного кодекса в редакции 1997 года. Тогда участки предоставлялись лесопользователям, «длительное время осуществляющим свою деятельность на данной территории и имеющим производственные мощности для заготовки и переработки древесины и других лесных ресурсов».

Введение исключительно аукционной системы передачи лесных участков в аренду, с одной стороны, не решит проблему коррупции, а с другой – может вызвать негативные социальные последствия в тех локальных сообществах, жители которых зависят от лесной заготовки и лесного производства. Рассказы предпринимателей, занимающихся лесом, наглядно демонстрируют, каким образом может быть обойдена «соревновательная» составляющая аукциона. При распределении лесных участков или леса на корню с помощью аукционов предприниматели «договариваются» с чиновниками о таком способе организации аукциона, чтобы, кроме данного предпринимателя, об аукционе больше никто не знал и, соответственно, не мог подать заявку на участие. Чаще всего это делается в такой последовательности: предприниматель сам находит участок леса, обращается с просьбой организации аукциона к соответствующим чиновникам, а те, в свою очередь, размещают информацию об аукционе максимально неудачно, таким образом, чтобы она прошла незамеченной. Для соблюдения формального требования закона о конкуренции на аукционе заявку на участие подает подставное лицо, которое отказывается от претензии на лесной участок при первом повышении конкурсной суммы.

Кроме того, предприниматели мелкого и среднего бизнеса в неофициальных разговорах сетовали на то, что им приходится выводить значительные денежные ресурсы из производства либо для обеспечения собственной конкурентоспособности на аукционах, либо для взяток, которые в условиях более открытой формы распределения лесных ресурсов возрастут в несколько раз.

Серьезные изменения в проекте кодекса коснулись норм о государственном управлении и государственном присутствии в лесных правоотношениях. В проекте не осталось места для главы «Система органов исполнительной власти, осуществляющих государственное управление в области использования, охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов», а раздел «Государственное управление в области использования, охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов» в проекте сократился до главы «Управление в области использования, охраны и воспроизводства лесов». Налицо сокращение, пусть пока текстовальное, присутствия государственных органов в лесных правоотношениях.

Пока невозможно представить, каким образом будет выглядеть вся система государственных органов в лесного хозяйства. В тексте встречается только упоминание об «уполномоченном федеральном органе исполнительной власти по управлению лесным фондом» и об «уполномоченном федеральном органе по надзору за лесным законодательством». Кто будет осуществлять представление государства в лесных правоотношениях на местах, непонятно. Также неясно, как будут выстраиваться взаимоотношения уполномоченных федеральных органов исполнительной власти по управлению лесным фондом и по надзору за соблюдением лесного законодательства с региональными и муниципальными образованиями как собственниками соответствующих лесных участков.

Поправки к действующему законодательству и нормы проекта Лесного кодекса закрепляют сформировавшуюся в последнее время тенденцию перераспределения основных регулятивных и контрольных полномочий в пользу федеральных органов власти и их территориальных представительств. Лесхозы как субъект лесных отношений в проекте Лесного кодекса не упоминаются. Эксперты сходятся во мнении, что лесхозы в том или ином виде все же останутся, но будут выполнять исключительно технические функции по отводу делая, производству лесовосстановительных мероприятий и т.д. Лесхозы будут лишены возможности налагать на лесопользователей штрафы за административные правонарушения, проводить аукционы по продаже леса на корню. Контроль всего комплекса деятельности лесопользователей будет осуществляться не лесхозами, а специальным органом по надзору за соблюдением лесного законодательства.

Мотивация разработчиков проекта понятна: необходимо разделить регулятивные и контрольные полномочия, одновременно повысив уровень реализации первых и вторых. Сотрудники лесхозов являются такими же

представителями локальных сообществ, включенными в повседневные практики социального взаимодействия, как и лесопользователи. Обладая неким ресурсом, представители лесхозов становятся уязвимы как для силового воздействия, так и для возможного включения в неформальные, а в большинстве случаев, коррупционные механизмы функционирования лесной отрасли на локальном уровне. Однако повышение уровня регулятивных и контрольных полномочий не дает гарантии решения коррупционной проблемы: предприниматели не раз демонстрировали способность отвечать на усложнение механизмов доступа к ресурсу конструированием новых неформальных схем или увеличением ресурсов, выделяемых на решение проблемы через коррупционные схемы.

Попытка создания, помимо государственного, общественного и корпоративного контроля в проекте кодекса так и не была реализована. Хотя положение статьи 91 и предусматривает возможность осуществления общественного лесного контроля органами территориального общественного самоуправления, общественными объединениями и гражданами, этот институт находится явно на периферии конструкции приоритетов и внесен в проект по инерции. Кроме этого, проект кодекса в статье 8 содержит не совсем понятный институт общественных слушаний, которые проводятся органами местного самоуправления в случае заявления заинтересованного лица о переводе земель лесного фонда в земли иных категорий. Никак не обозначена компетенция этих слушаний.

В целом вопрос распределения компетенции между уровнями власти решен с явным убеждением в неспособности региональных и местных властей осуществлять легальное регулирование лесных отношений. Значительное сокращение полномочий региональных органов власти привело к тому, что в проекте Лесного кодекса за ними оставили лишь возможность участия в комиссиях, организующих аукционы, и право на распоряжение лесными землями, находящимися в региональной собственности (незначительное количество бывших лесов сельхозпредприятий). Основная часть критики проекта со стороны органов региональной власти посвящена как раз вопросу ущемления прав регионов. Остальные положения кодекса критикуются по инерции с использованием аргументов, высказанных другими участниками дискуссии.

Новый Лесной кодекс, похоже, развивает тенденцию на сокращение регулятивных полномочий и органов муниципальной власти. Например, в проекте отсутствуют какие-либо ограничения (необходимость согласо-

ния с местными властями) на строительство капитальных сооружений в тех категориях зашитности, где строительство может противоречить целевому назначению лесов. Это может противоречить интересам местных территориальных образований по развитию социальной инфраструктуры района. Среди предусмотренных проектом Лесного кодекса правомочий органов местной власти можно отметить право организовывать аукционы на заключение договора аренды лесного участка, находящегося в собственности муниципального образования, возможность продажи деревьев на сруб и определение порядка проведения общественных слушаний по поводу перевода земель лесного фонда в земли иных категорий.

Кроме того, проект кодекса предусматривает возможность осуществления органами местного самоуправления муниципального лесного контроля в отношении тех лесов, которые находятся в муниципальной собственности.

Результаты исследования показывают, что нередко представители местной власти (особенно это касается депрессивных районов с высоким уровнем безработицы) оправдывают неформальные практики лесопользования, в которых участвует местное население, потому что *«лучше пусть воруют, чем неть будут»*.

В проекте Лесного кодекса существенно смещается бремя лесоохранных и лесовосстановительных мероприятий с государственных структур на арендаторов земельных участков. Арендатор должен будет самостоятельно осуществлять противопожарную защиту, охрану лесов от вредителей и болезней, лесопатологическое наблюдение, санитарные рубки, лесовосстановление. Подобного рода обязанности были и в действующем кодексе, но они описаны более детально и не выходили за пределы договора аренды.

Этот комплекс мероприятий потребует дополнительных затрат и, как предполагают некоторые эксперты, создания подрядных организаций, которые смогли бы взять данную работу на себя. В тех районах, где нет арендаторов, вся тяжесть данных мероприятий ложится на плечи государства. В условиях малонаселенных лесных регионов и отсутствия квалифицированных специалистов данный вопрос, по крайней мере, на первых этапах действия кодекса, способен существенно тормозить развитие эффективных лесных отношений. Высказывается обоснованное мнение, что существенное повышение затрат на лесоохранные и лесовосстановительные мероприятия приведет к пропорциональному повышению себестоимости леса. И совершенно очевидно, что подобный набор мероприятий будет не по плечу мел-

ким лесопользователям, предопределяя тем самым коррупционные механизмы обхода этих положений.

Даже в условиях сегодняшних, более мягких, предписаний к лесоохранным и лесовосстановительным мероприятиям лесопользователи демонстрируют предпочтение к неформальным механизмам их реализации.

Изменения второго уровня

Возможные последствия изменений действующего лесного законодательства, которые несущественно корректируют действующие до того правила, но, в некоторой степени, могут повлиять на устоявшуюся практику взаимоотношений в отрасли, можно рассмотреть на двух примерах: новой системе документов, подтверждающих право на лесопользование, и институте субаренды лесных участков.

Впервые в российском лесном законодательстве разрешается субаренда лесных участков. Статья 66 проекта Лесного кодекса предусматривает возможность субаренды лесного участка, то есть без согласия арендодателя, но при его уведомлении, арендатор может передавать арендованный им лесной участок другим лицам. Однако в проекте кодекса не предусмотрены формы документов, на основании которых субарендатор должен производить лесопользование. Фактически это может привести к тому, что при непосредственных проверках в лесу нелегальные лесопользователи в обоснование своей деятельности могут приводить фиктивные договоры субаренды. Проект не предусматривает механизмов противодействия подобного рода действиям.

Что касается формальных оснований, подтверждающих право на лесопользование, то новым кодексом отменяется целый ряд документов, которые обеспечивали контроль со стороны государства за охраной и использованием лесных ресурсов: прежде всего, это лесорубочные билеты, которые заменяются лесной декларацией. Лесная декларация должна содержать сведения о: лесопользователе; местоположении лесного участка; правоустанавливающих документах на лесной участок; видах и объемах лесопользования, планируемых к осуществлению; объемах планируемой заготовки древесины по группам лесов; объемах планируемой заготовки живицы; мерах по сохранению подроста; планах размещения и разработки лесосек; планах лесохозяйственных работ; противопожарных мероприятиях; мероприятиях по развитию инфраструктуры лесного участка. По сути дела,

лесная декларация превращается в протокол о намерениях лесопользователя, который самостоятельно определяет объем собственных обязательств.

Очевидно, что даже незначительные изменения в правилах лесопользования способны породить неформальные механизмы их использования или обхода, а не устранить их, как того бы хотели разработчики проекта Лесного кодекса.

Новые правила на старый лад

Есть ли у государства шанс урегулировать отношения в лесной отрасли, тем самым, легализовав то, что сегодня находится в неформальном спектре? Может ли изменение нормативной базы способствовать распространению цивилизованных формальных отношений в практиках, связанных с оборотом леса?

Результаты исследования неформальной экономики лесопользования позволяют с достаточной долей уверенности утверждать, что изменения лесного законодательства, обсуждаемые сегодня, вряд ли коренным образом изменят существующую ситуацию. С одной стороны, эти изменения не касаются тех формальных норм и институтов, которые из-за недостаточно четкой формулировки рожают пространство для неформальных отношений, а с другой – можно только гадать, каким образом новые положения интегрируются в уже устоявшуюся систему социальных отношений, складывающихся по поводу оборота леса.

Обозначу лишь некоторые «проблемные» поля. Например, без необходимой детализации в проекте нового Лесного кодекса остались вопросы контроля за незаконными рубками⁹. Не намечен возможный вариант решения проблемы вырубki лучших деревьев под видом санитарных рубок и рубок ухода, переруба и рубки излишних объемов древесины при промышленных лесозаготовках – наиболее распространенных случаев нарушения действующих формальных правил.

Кроме того, значительный пласт неформальных практик в отношениях, связанных с оборотом леса, сосредоточен вокруг правовых институтов, регулирование деятельности которых лежит вне сферы лесного

⁹ Под незаконными рубками имеются в виду как рубки без разрешительных документов, так и рубки, которые проводятся с разрешительными документами, но при этом нарушаются требования к виду, количеству и способу вырубki.

законодательства. В качестве наиболее ярких можно привести примеры железной дороги и ГИБДД как структур, непосредственно участвующих в формировании неформального пространства лесной отрасли.

Конечно, практики неформальных отношений, инициируемые данными институтами, присущи всей совокупности взаимодействий, осуществляемых ГИБДД и железной дорогой, а не только с агентами, занятыми в лесной отрасли. Тем не менее без решения проблем, связанных с их участием в отношениях лесопользования, достигнуть прозрачности и открытости лесной отрасли будет невозможно.

Однако даже самая удачная формулировка и конструкция правовых предписаний, устранившая все пробелы и неоднозначные толкования формальных правил в сфере лесопользования, не способна устранить неформальную составляющую данных отношений. Выводы исследования неформальной экономики лесопользования Иркутской области позволяют утверждать, что распространенность неформальных правил связана не столько с неэффективностью формальных механизмов, сколько с существованием альтернативного свода обычно-правовых норм, основанного на легитимации¹⁰ неформальных правил основными агентами лесных взаимоотношений. Логика функционирования лесной отрасли, основанная на традициях населения, живущего в лесу, на наследии «советского лесопользования» и на постсоветских реалиях экономической деятельности¹¹, обозначает фактическое отсутствие определяющей роли правовых предписаний в регулировании отношений, связанных с оборотом леса.

Очевидно, что надежда на особую роль права в устранении неформальной составляющей из отношений, связанных с оборотом леса, не оправдана. Правовые механизмы, в данном случае, являются важными, но не определяющими, потому как устоявшийся социальный порядок функционирования неформальной экономики предполагает, что участники экономических отношений располагают достаточными ресурсами и укорененными

¹⁰ Под легитимацией в данном случае понимается комплекс стратегий оправдания, одобрения участниками лесных отношений сложившихся практик лесопользования, даже если эти практики нарушают установленные законом правила.

¹¹ В данном случае имеются в виду такие явления постсоветской экономики, как рутинизация коррупции, распространенность экономики выживания и рыночный подход к природным ресурсам.

Новый Лесной кодекс: меняющийся порядок?

социальными практиками, чтобы приспособить формальные механизмы неформальным правилам, регулирующим отношения на практике.

Поэтому перспективы эффективности нового Лесного кодекса вызывают большое сомнение. Можно лишь предположить, что реальные изменения функционирования экономики лесопользования, инициированные правовым воздействием, возможны лишь в связи с такими изменениями законодательства, которые могут существенно влиять на экономический интерес основных акторов лесной отрасли (например, изменения порядка экспорта леса).